

Война живых против мертвых

К 40-летию обрушения Колпашевского Яра

Свидетельства очевидцев

ЧЕРЕПАНОВ Владимир Петрович, капитан теплохода ОТ-2010.

«В первых числах мая 1979 года меня пригласили в кабинет к начальнику порта. В кабинете сидели два товарища: полковник Николай Иванович и капитан КГБ.

- Не пугайтесь, - сказал полковник.

- Нас интересуют качества вашего теплохода. Можете винтами мыть берег?

Я сказал:

- Не приходилось.

Полковник:

- Нам надо этим заняться. Короче, нам надо идти в Колпашево и смыть захоронение. Из Кемерово должны доставить монитор.

11 мая мы пришли в Колпашево. За ночь решили ликвидировать это кладбище. На берегу уже был устроен забор. Вкопали мощный столб (мертвяк), за который можно было завести трос. Течение реки было сильное, нас снесло, и тросом повалило забор. На берегу изготовили новый забор из шитов. За день продумали план. Совещание проходило в ресторане «Обь». На совещании был один в штатском из Москвы, полковник Николай Иванович, капитан, представитель горкома и еще товарищи.

На следующий день подошел теплоход ОТ-375 (капитан Мясин) и тросом поддерживал наш теплоход перпендикулярно берегу реки (течению реки). Начали мыть. Берег сверху был засыпан известью. Берег был высокий, сверху земля была еще мерзлой, ближе к уровню воды грунт был талый. Теплоход стоял перпендикулярно берегу, с кормы зацеплен тросом за столб, врытый на берегу. Отбойной волной винтов начали мыть берег. Мыли часа два. Сначала падали кости. В срезе яра была одна яма-захоронение. Когда содержимое ямы обвалилось, проявились темные прямоугольники. Я сказал: «Будут еще. Николай Иванович сказал: «Будем работать».

Трупы из ям стали падать в воду. Мерзлый верхний слой земли обваливался большими глыбами по мере размывания нижнего талого слоя грунта. Мыли с 11 по 15 мая. Было много ям. Трупы были целые, разной величины. Видел на трупах розово-белое бельё. Трупы плавали. Кагэбэшники фотографировали. За время работы на палубе никого не было. Нам запретили выходить на радиосвязь. Полковник постоянно переговаривался с берегом по очень миниатюрной (ее не было заметно) радиостанции. Кроме трупов из берега вымывались срубы. В это время на берегу бурили скважины, искали обнаруженные захоронения. Количество ям назвать не могу. Мыли круглосуточно. Теплоход почти весь ушел в берег (образовалась бухта).

Закончили дело и пошли в Томск на ремонт. Из-за работы на песке подносились втулки валов. Отремонтировали нас очень быстро, за 2 суток.

В Томске меня привезли в КГБ на черной «Волге». Страх был у меня. На Кирова завели в кабинет к полковнику, затем повели

к комиссару. От имени Ю.В. Андропова вынесли благодарность и подарили приемник «Томь», сказав, что фирма у них небогатая. Механику – часы, штурману – часы, мотористам – приемник «Альпинист», женщинам – по 20 рублей. Советовали поменьше распространяться, но народ-то видел. Полковник говорил, когда мыли, что это рецидивисты и дезертиры. Дату назвал – 1943 год. Полковник сказал, что документов не сохранилось, все были на фронте, поэтому расстреливали на территории НКВД.

Все, что выпадало из берега, размывалось винтами. Все изрезалось винтами теплохода. Когда вода спала, появились кости. Спусти несколько недель засыпали эти участки гравием.

Раньше я не рассказывал об этом, боялся последствий. Ведь это КГБ!»

ЧЕПУРОВ Степан Флегонтович, пенсионер, г. Колпашево, в 1979 г. работал инспектором уголовного розыска.

«...До 3 мая уже было оцеплено. Нач. ГОВД Лепешкиным была произведена беседа. Нам было предложено не распространяться по этому вопросу. В отношении трупов было принято решение: топить трупы в реке. Перезахоронивать трупы не стали, так как боялись, что на них снова могли наткнуться. В принятии решения топить трупы принимал участие генерал майор КГБ, фамилии не знаю, который приехал специально из Москвы. Из-под яра трупы вымывали по ночам, затем привязывали к ним груз и топили в реке. Однако не все трупы тонули, и они плыли по реке. У всех трупов в затылочной части отверстия, похожие на пулевые, но не малокалиберные... Трупы были темные, как копченые. Было принято решение пойманные трупы хоронить, без проверки... Были задействованы работники милиции из Томска. Колпашевская милиция участия в вымывании трупов не принимала.

Трупы вымывали из брандспойтов с теплоходов... Нам объяснили, что это трупы репрессированных в 37 году врагов народа, которые были приговорены к расстрелу. Сам я находил трупов 7 как по реке Оби, так и по притокам. Вернее, не сам, а люди находили трупы, сообщали в милицию, и раз я работал по розыску, то мне приходилось выезжать на место обнаружения трупов. Все трупы были внешне похожи: коричневые, плоские, с отверстиями в затылочной части. Из всех обнаруженных – одна была женщина. Трупы были обнаружены в местах захоронения. Никаких проверок не проводилось. Я действовал согласно принятому решению руководства. Мест захоронения не помню, прошло 10 лет, но когда я возвратился в отдел, работники КГБ спрашивали у меня, где я захоронил обнаруженные трупы. Для чего спрашивали, не знаю.

КОЛЕСНИКОВ Владимир Александрович, 1949 г.р., житель Колпашева, на его глазах и произошел обвал берега в 1979 г., когда открылась первая из могил, где в основном были уже истлевшие останки. «Три дня

этой ямой никто не интересовался. Там весь город побывал. Представляешь, такое увидеть... Уже на следующий день, как обвалилось, «Голос Америки» сообщил, что в городе Колпашево – так сказали – обнаружено захоронение жертв репрессий, а здесь еще три дня – хоть бы что... Когда мы труп достали, там один был с фотоаппаратом, он фотографировал...»

«...Вода подмывала яр снизу: берег осел метра на три, получился уступ. Как выглядела сама могила? Сверху метр земли, а дальше шли трупы в куче... шириной метров пять. Глубину не понять, может куда еще ниже было, ниже уступа... Был слой как бы известки, слой трупов, снова слой известки... Мы сами разбирали их и вытаскивали. Интересно же было – откуда это люди-то. Черепа рассматривали, в черепах дырочки были сзади, во всех черепах без исключения... Один труп мы вытащили. Кожа на нем сохранилась и чирки, сапоги. Еще пытались вытащить ногу оттуда... Запаха не было никакого. Они были как бы сплюснуты, толщина грудной клетки сантиметров десять, а черепа все целы были... Мы же не знали, откуда эти дырки. Один из черепов разбирали, а там две пульки, сплюснутые, как в мелкокалиберной винтовке. Сукровица там еще была в мозгу...»

МЕРИНОВ Борис Ефимович, 1914 г.р., житель г. Колпашева, был старшим оперативником в Колпашево с 22 ноября 1937 г. по август 1942 года.

«...Здание КПЗ состояло из 6 камер. Новосибирск утверждал, кого стрелять... Потом из тюрьмы приводили и стреляли в НКВД... Наш бывший сотрудник Кох Николай Иванович, начальник отдела А, сам принимал участие в расстрелах. Утверждаю, что расстреливали из мелкокалиберного оружия.

При мне приводили этапы по 40-50 человек из других мест, обратно никого не уводили. Хоронили расстрелянных во дворе КПЗ... 3 ямы. В конце хоронили там, где расстреливали, в камере. Из 13 северных районов находились... здесь бывшие семеновцы,

участники чаинского, сургутского восстания. Из работников партийно-советского аппарата никто не был арестован...»

Фамилии оперативных работников: Островляничик, Терентьев – зам. начальника НКВД, Карпов Сафрон Петрович, нач. СО, Мелкозеров, Капарулин, Демкин, Шипулин Павел, Гришин (на Украине живет).

В 1965 г. ко мне обращались из КГБ показать места захоронений на территории КПЗ, что я и сделал. Они говорили, что для эксгумации трупов. Я не присутствовал, но загородили все забором, и там работал экскаватор.

«...Я исключаю, что в найденном захоронении были расстреляны дезертиры Великой Отечественной войны и лица, уклоняющиеся от службы в армии. Их арестовывали в районах и отправляли этапом в Томск».

Агафья Михайловна ГОРОВЦОВА-ГОРНОВСКАЯ рассказывает:

«...Еще весной 79-го под яром дети находили черепа с дырками в затылке. А первого мая бурным разливом реки Оби начало сильно подмывать высокий берег, который со времени тридцатых годов смыло более чем на полкилометра. Но этом берегу стояло зловещее здание НКВД с обнесенным забором двориком, а с парадного входа был посажен садик.

В 39-40-х годах я ходила на работу мимо этого дома и двух овощехранилищ, из которых видны были вентиляционные трубы. По предположению народа, эти овощехранилища были забиты мертвыми. Здание НКВД давно снесла природа и раскрыла неслыханные преступления наших органов НКВД. Итак, люди шли с демонстрацией и увидели жуткую картину. Жертвы плыли вниз по течению Оби. Весть быстро распространилась по городу. Сказали и мне.

Что я там увидела? Обвалившийся берег, кости, черепа. Хотя силами милиции трупы были присыпаны землей, в просветах были видны не засыпанные длинные женские волосы, стоял смрадный запах.

Хотя милиция и отгоняла,

ЯР

Я расстрелян. Судили меня налегке.
Исполнители казни тупы и безлики.
В темноте, в глубине, на кровавом песке
Задохнулись последние крики.
Я расстрелян. А рядом другие тела
Бессловесны, с открытыми ртами...
Ты за что нас, судьбина, сюда загнала,
Навалив друг на друга пластами?
Мы расстреляны и остаемся во мгле,
В этой вечной могильной опале.
Люди! Все, кто еще на земле,
Мы безвинно жертвою пали!
Мы расстреляны. Тут не поверят словам,
Палачей не разжалобит здешних.
Уводили в подвал. Здесь нас всех убивал
Водной пахнувший энкавэдэшник.
Мы расстреляны. Боже, хоть ты помоги!
Мы к тебе обращались не часто.
Донеси до живых – мы совсем не враги,
Нам с позорным клеймом не венчаться!
Мы расстреляны. Слезы людей велики.
Кто же выживет, злостью осиял?
В нас остался вопрос от предсмертной тоски:
«Неужели все это – Россия?»
Мы расстреляны. Наша беда улеглась –
Мы глухие, слепые, немые...
Будь ты проклята, нас погубившая власть,
В годы страшные тридцать седьмые!
Мы расстреляны. Где-то плывут облака,
Над землей повисая как замять...
Нас забудут совсем, навсегда, на века,
Иль по нам не утратится память?
А. Потекин.

некоторые люди пробирались дальше и, выходя говорили, что видели еще не разложившиеся трупы, одежды в длинные пальто, обутые в валенки, а также видели маленькие туфельки детей. А трупы продолжали плыть. Когда я пришла назавтра, это место было огорожено высоким забором.

Когда кто-то задал первому секретарю Колпашевского горкома КПСС Шутову вопрос, почему бы не похоронить тела, он ответил, что это трудно сделать, что берег крутой, а медицина дала разрешение вымыть в реку.

В это же время гулко работали моторы буксиров, вымывая жертвы. Женщины, кого это касалось, плакали и говорили между собой, что могло бы начальство решить похоронить в общей могиле, хоть бы поклониться было куда сходить.

А потом, по прошествии времени, люди говорили, что много трупов выбрасывало на берег, что они были неразложившиеся, и можно было опознать. Хотя бы по одежде. Видно, они были на большой глубине.

Об этом варварстве знает каждый в Колпашево. А особенно, кто работал в это время в милиции. Один из них, Волков Петр, кому-то говорил о наличии таких захоронений в лесу».

Харьковчанин Бримерберг В.П., узнав о месте гибели своего отца, установил на тополе на краю Колпашевского яра памятник в виде вырезанного автогеном из жести скелета человека. Под скелетом жестяная табличка с надписью: «Бримерберг Петр Христофорович, 1888 года рождения. Расстрелян НКВД в 1938 году. Утоплен КГБ в 1979 г.».

Спустя пять лет река смыла тополь. Памятник можно было перенести в Колпашевский краеведческий музей, где есть постоянная экспозиция, посвященная репрессиям 1930-50-х годов. Но Владимир Петрович Бримерберг рассудил так: «Останки отца приняла Обь, пусть она примет и его памятник».

А памятника дважды уничтоженным людям в Колпашево так и нет.

Подготовил В.С. МОИСЕЕВ. ■